

навистную темницу. Цирюльник обрил ей голову, а портной доставил женское платье — подарок самой герцогини Бедфордской. Потом на девушку вновь надели оковы.

Жанна не сразу поняла, что с ней творится. Внешне она была спокойна. Она не отвечала на издевательства сторожей, не поддержала разговора, начатого портным. Она казалась сосредоточенной и задумчивой.

Но внутри она вся пылала. Огонь сомнения жег ее душу. Ночь не принесла покоя: она не могла спать, хотя тюремщики на этот раз ее не будили.

Жанна видела, что она подло обманута. Ей стало ясно, что от годов не уйти. Но, как ни странно, не это ее тревожило. Чем дальше шло время, тем чаще она себя спрашивала: правильно ли она поступила?

И голос ее чуткого сердца отвечал: «Нет, неправильно».

Голос говорил:

«Ты не отреклась? Допустим. Но ты согласилась подчиниться церкви. Ты признала правоту всех этих лжецов и негодяев. Ты смирилась перед изменниками — попами, поставившими целью унижить твою родину.

Значит, ты отступила.

Значит, ты замарала чистоту своей миссии.

Значит, ты повела себя, как предательница».

Предательница! Какое страшное слово! Неужели она, посвятившая жизнь борьбе за освобождение своего народа, могла так кончить? Неужели страх перед костром ослабил ее волю настолько, что ей изменила ясность мысли, что она трусливо отдала врагу победу, завоеванную в жестокой многомесячной схватке?..

Нет, этого не может быть. Конечно, смерть на костре страшна. Но если она не побоялась пыток железом, она не должна была отступить и перед огнем...